

Все
ДЛЯ СЛАВЫ
Божьей

Чарльз Гаддон Сперджен

Автобиография

перевод с немецкого

Здолбунов
2022

УДК 274
С 74

Перевод осуществлен по немецкому изданию
Onken Verlag Wuppertal und Kassel 1984 года
Название оригинала: Alles zur Ehre Gottes
© издания на немецком CLV Bielefeld, 2002
© издания на русском CLV: Christliche Literatur-Verbreitung, 2005

Сперджен, Чарльз Гаддон

С 74 Все для славы Божьей. Автобиография / Чарльз Г. Сперджен;
исправленное издание, перевод с нем. Маргариты Эпп — Золбунов:
ФЛП Бортнийчук А. В. (Издательство «Левит»), 2022. — 416 с.

Цитаты из Библии, если не указано другое, приведены в Синодальном переводе.

ISBN 978-617-8232-04-7

В данной автобиографии, которая была составлена женой Сперджена и его личным секретарем из записей его дневника, писем и проповедей, Ч. Г. Сперджен предстает перед читателем как благовестник, на проповеди которого стекались массы народа, как основатель школы проповедников и сиротского приюта, а также как воинствующий богослов и писатель, книги которого уже давно относятся к классике христианской литературы.

УДК 274

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-617-8232-04-7

© Издательство «Левит», 2022

Содержание

Предисловие	5
1. Счастливое детство	7
2. Молитвенный дом в Стемберне	17
3. Ричард Книлл и другие детские приключения	24
4. Воспоминания о Мейдстоне и Ньюмаркете	33
5. Ранние религиозные впечатления	40
6. Через многие страдания	46
7. Большая перемена	59
8. После покаяния	71
9. Заметки из дневника и писем	78
10. Доброе свидетельство	108
11. Начало служения Господу	115
12. Защита библейского учения	120
13. Молодой проповедник в Марчленде	125
14. Молодой спасатель душ в Уотербиче	135
15. Воспоминания сельского пастора	153
16. Призыв в Лондон	163
17. Начало долгого пасторского служения, 1854 год	172
18. Любовь и брак	179
19. Ранние критики и клеветники — первые литературные друзья	191
20. Удивительный рост — даты и факты	196
21. Соработники	200
22. «Я более потрудился»	206
23. Первое посещение Шотландии	216
24. Завоеватель душ	223

25. Новый пасторский колледж	230
26. Первые издания — писатель, издатель и читатель	238
27. Первые годы супружества	246
28. Трагедия в мюзик-холле в Суррей-гарденс, 1856 год	255
29. Богослужения 1858–1860 гг.	269
30. Строительство дома молитвы	274
31. Богослужения в мюзик-холле	283
32. Богослужения в строящемся Метрополитен Табернакл	287
33. Открытие молитвенного дома	290
34. Памятные богослужения в Метрополитен Табернакл, 1861–1874 гг.	299
35. Проповедь под открытым небом	305
36. Библейский пасторский колледж, 1861–1878 гг.	314
37. Благословение от напечатанных проповедей	326
38. Сиротские приюты	334
39. Новый дом Хеленсбург	341
40. Ищущие и покаявшиеся	345
41. Вествуд	359
42. Из двухдневной работы	363
43. Сперджен — читатель и автор	367
44. «Полемика об упадке» — с позиций Сперджена	386
45. Последний год	400

Предисловие

Добавил бы Чарльз Гаддон Сперджен что-то существенное или что-либо упустил, если бы мог сам приложить руку к этому объемному труду? Он умер слишком рано — в 57 лет. Это возраст, когда люди, вспоминая события своего детства и юношества, размышляют над ними и совершенно по-иному оценивают эту часть своей жизни и служения.

За Сперджена это сделали другие: его вдова Сюзанна и его первый секретарь, которые были самыми близкими ему людьми. Из существующих материалов они взяли все возможное из того, что, по их мнению, было самым лучшим отражением характера Сперджена. В первых главах, почти до половины книги, Сперджен сам рассказывает о своем детстве и юношестве, которые стали началом его удивительного по силе служения проповедника. Сюзанна повествует о знаменательных событиях их совместной жизни, а из сообщений прессы, писем, дневника Сперджена и стенограмм его проповедей они вместе с секретарем Сперджена выбрали то, что читатель должен знать о жизни Сперджена и чего он больше нигде не сможет найти.

Здесь повествуется о необычном человеке с чрезвычайными способностями, который всего себя отдал делу Божьему и совершал его с беспрецедентной интенсивностью. Об этом свидетельствуют не только его повествование и дополнения его друзей, но и то, с каким невозмутимым спокойствием он принимал нападки и вражду тех, кто с большим сомнением воспринимал юного проповедника за кафедрой лондонского Табернакл.

Книга Сперджена «Добрые советы проповедникам Евангелия» и его проповеди являются неизменными составляющими каждой богословской библиотеки. Теперь перед вами биография этого «короля проповедников». Надеемся, что она побудит к размышлению и наверняка ободрит многих читателей.

Издатели

Счастливое детство

Чарльз Гаддон Сперджен родился 19 июня 1834 года в маленькой деревушке Келведон в графстве Эссекс. Но об этом месте он ничего не помнит, так как через десять месяцев после его рождения родители переехали в Колчестер, а еще четыре месяца спустя его привезли к дедушке и бабушке в Стемберн. Здесь он жил до пяти лет, пока не возвратился к родителям. Поэтому мальчик часто вспоминал о доме дедушки с бабушкой в Стемберне, где дедушка Джеймс Сперджен был пастором (1776–1864) в независимой церкви.

Ранние годы Сперджена прошли в доме дедушки с бабушкой, и, хотя причину этого никто не мог объяснить, мы можем не сомневаться, что это было водительством Божиим. Пожилой пастор из Стемберна был одним из последних представителей старых протестантов

Дом, где родился Сперджен в Келведоне, графство Эссекс; во время зарисовки он служил гостиницей

(отступившим от догматов господствующей церкви). Во всяком случае, этот ветеран принадлежал к давно ушедшему поколению. В церкви Стемберна, существовавшей уже двести лет, все еще держались старого богословия, которое

проповедовали во всем государстве, когда Эссекс был вершиной пуританства. Казалось, что эти каменные стены пастората так долго сохраняли свидетельство пуритан, что достаточно было прийти одному из них, чтобы пробудить их к новой жизни.

Возможно, не все истории, рассказанные в этой главе, происходили в Стемберне в первые пять лет жизни Сперджена, некоторые из них могут относиться к более позднему периоду, поскольку он проводил здесь долгие каникулы, учась в школе.

Вряд ли я смогу передать читателю ту очаровательную атмосферу, которая царил в доме дедушки, где он со своей большой семьей прожил больше пятидесяти лет. Для пастора, не принадлежавшего к официальной англиканской церкви, этот дом был довольно богатым, и это свидетельствовало о том, что либо у него самого было достаточно денег, или же его прихожане относились к нему с открытым сердцем, щедро делясь содержимым своих кошельков. Так или иначе, это был господский дом старых времен. В настоящее время его заменили новым, несомненно подходящим современному священнослужителю.

В этом милом старом пасторском доме, где я провел первые годы своей жизни, уже прогибались старые изветшавшие балки, и он скоро развалился бы, если бы вместо него вовремя не построили новый. И все же мне очень хотелось, чтобы мы остались жить в старом. Когда пришло время сносить дом, во мне все кричало: «Оставьте стоять этот дом! Не прикасайтесь к нему!» Но его время подошло. Его нужно было заменить более добротным зданием.

Это был поистине замечательный дом с восемью окнами на фасаде! Но по крайней мере три из них, или даже четыре, были замурованы; эти места выкрасили в черный цвет, и на них белой краской были нарисованы окна, очень похожие на настоящие. Наверное, уже никто не помнит о налогах на окна, которые поднялись в то время, когда свет (по-латыни «*lux*») считали товаром и облагали налогом, поистине считая

его люксом, роскошью. Небольшое жалование проповедника вынуждало дедушку к бережливости, и поэтому в его новом доме комната за комнатой предавались темноте. Я входил в эти комнаты с благоговейной робостью. Над другими окнами прикрепили вывески, на которых можно было прочитать «Молочное хозяйство» или «Сыроварня». В таком случае они освобождались от налогов.

Что за превратный ум должен был иметь человек, которому пришло в голову обложить налогом солнечный свет! Это можно объяснить тем, что так хотели по возможности справедливо оценить площадь дома и из этого определять состоятельность хозяина. Но такой вид налога привел к тому, что хозяева больших домов были вынуждены отказываться от света, за который они не могли платить.

Все входящие в наш дом в первую очередь попадали в просторный зал, пол которого был выложен кирпичом и посыпан свежим песком. Здесь находился большой камин, над ним висела огромная картина, на которой были изображены Давид и Голиаф.

В зале стояла детская лошадка-качалка. Это была серая лошадка, на ней можно было ездить верхом и в дамском седле, и она была единственной, на которой я когда-либо охотно скакал. Живые лошади передвигаются слишком неравномерно, и поэтому закон земного притяжения обычно очень быстро вытаскивал меня из седла. Но о моей лошади из Стемберна я с уверенностью могу сказать, что даже служащий парламента мог бы спокойно сидеть на ней.

Справа от зала находилась лучшая комната дома, которая называлась «хорошей комнатой». Ее окно было обрамлено вьющимися розами, которые цвели прямо в доме, если им удавалось просунуть свои ветви между каменной стеной и оконной рамой. Это у них получалось почти всегда, так как вокруг дома царил неизменный порядок.

На стенах этой «хорошей комнаты» висели портреты дедушки с бабушкой и дяди. На этажерке стояла большая

красивая чаша, которую дедушка использовал для крещения. Хотя я все же думаю, что эта чаша была предназначена для крющона. Во всяком случае, это был шедевр искусства, достойный той задачи, для которой он был определен.

Яблоко в бутылке

Еще я хорошо помню, что на краю камина лежала бабушкина бутылка, в которой находилось спелое яблоко. Размером оно было по ширине бутылки, и для меня это казалось большим чудом. Мне хотелось узнать, как такое большое яблоко попало в бутылку через столь узкое горлышко. И, хотя даже трогать это сокровище на краю камина было великим преступлением, однажды я все же взял бутылку в руки и удостоверился, что яблоко никогда не пройдет через горлышко. Затем я тщетно пытался открутить дно бутылки, пока не убедился, что яблоко и через дно не могло попасть в нее. Я сделал вывод: каким-то скрытым для меня образом бутылка была разбита и затем снова тщательно склеена, так что после этого не осталось никаких видимых следов. Конечно, эта теория не могла удовлетворить меня. Но так как рядом не было философа, который предложил бы какую-то другую версию, я оставил это дело.

Однажды летом я случайно увидел, что на ветке яблони висит другая бутылка. В ней росло маленькое яблоко, которое засунули в бутылку, когда оно еще проходило через горлышко. «Ну теперь я все знаю, чудес больше нет». Так большая тайна стала для меня раскрытой.

Это открытие моего детства позднее послужило мне иллюстрацией. Поместите яблоко в бутылку, пока оно еще маленькое, то есть приводите детей в дом Божий, например, через воскресную школу, в надежде, что они полюбят то место, где живет Божья слава, будут искать и найдут вечную жизнь. Скучные и пустые воскресенья сеют в юных сердцах

одни лишь предубеждения против религии, и мы можем достичь как раз обратного. Наши проповеди не должны быть длинными и сухими, чтобы молодые люди не уставали. Если проповеди будут интересными и захватывающими, а учителя любящими, теми, кто откроет правду юным сердцам, мы не будем оплакивать последующее поколение, сожалея о том, что они забыли свою духовную родину.

Я был еще достаточно мал, когда на домашнем собрании мне разрешили прочитать отрывок из Библии. Однажды я дошел до места из книги Откровение, которое говорит о бездне.

Я перестал читать и спросил:

— Дедушка, что это означает?

Ответ, хотя и прозвучал очень дружелюбно, не удовлетворил меня:

— Дитя мое, читай дальше.

Но дитя хотело иметь объяснение и поэтому каждое утро на домашнем собрании открывало одну и ту же главу, делало паузу на этом стихе и повторяло свой вопрос в надежде, что когда-нибудь побудит старого человека ответить. Это действие наконец возымело успех, так как каждое утро и даже по воскресеньям чтение одной и той же истории совершенно не назидает. Старый патриарх добровольно капитулировал с вопросом:

— Итак, мой дорогой, что смущает тебя?

Выяснилось, что дитя уже не раз наблюдало за тем, как из тех корзин, которые из-за ветхости остались без дна, выпадали фрукты, если их туда положить. Именно в этом и была загвоздка: если пропасть, о которой здесь шла речь, не имела дна, то куда упадут все люди? Этот вопрос как-то не вписывался в ход семейного собрания, и поэтому ответ отложили до удобного момента.

Я очень хорошо помню тот ужас, который охватил меня, когда мой любимый дедушка объяснял мне свое видение адской пропасти. Это очень глубокая пропасть, и душа падает туда — ах, как быстро она падает! Да! Вот исчез последний

луч света, а она падает все глубже, глубже, глубже, и так в течение тысячи лет!

— Она еще не приблизилась ко дну? Это падение не прекращается?

— Нет, нет, она падает все глубже, глубже и глубже!

— Вот я падаю уже миллион лет, и я все еще не приблизился ко дну?

— Нет, ты все еще падаешь. Это пропасть без дна, и она лишь опускается глубже, глубже, глубже, это адская пропасть без дна! Неописуемые страдания без надежды, что когда-нибудь этому придет конец!..

Во дворе дома, налево, почти скрытое кустом, находилось очень важное окно помещения, где стояла печка, каток для белья и квашня. Как часто я подходил к этой квашне! В ней было маленькое углубление, и туда клали кое-что для ребенка — кусочек теста. В зависимости от размера кусочка я называл его свиньей или зайчиком. У него были вылеплены маленькие ушки, два глаза из изюма и он был заботливо уложен в это углубление, как однажды манна в ковчег. Дорогая бабушка, чего ты только ни делала, чтобы побаловать любимое дитя! Воспоминание о тебе мне намного дороже, чем о более умных людях, которые не баловали это дитя. Может, ты и сейчас смотришь вниз из твоего небесного жилища на своего избалованного внука? Неужели ты думаешь, что было бы лучше, если бы ты была с ним строгой, безжалостной? Ни в коем случае! И тетя Анна (незамужняя сестра отца Чарльза, принимавшая участие в его воспитании) баловала бы это дитя еще больше, если бы могла.

Комната, где семья встречалась для совместной трапезы, находилась в задней части дома. В ней было окно, выходящее в сад, из которого открывался очень красивый вид на тисовую рощу, заросшую травой дорогу и поля. Во время строительства старой пуританской церкви ноги молящихся и размышляющих братьев вытапывали эту траву. И бабушка

ходил здесь. Для меня эта комната казалась раем, и мне запрещено было туда входить, когда дедушка готовился к проповеди, но в моих глазах это еще больше усиливало значимость этого места.

Мальчик среди книг

Я уже начинаю бояться, что своими воспоминаниями захватываю только себя, а не моего читателя. Но на первом этаже была еще одна комната, о которой я должен рассказать: через одну из спален можно было проникнуть в маленькую каморку с замурованным окном. Пока в ней было окно, она служила пастору рабочим кабинетом и молитвенной комнатой, по-настоящему уютной. Я же застал ее уже темной пещерой, но в ней находились книги, и это делало ее золотым рудником для меня. Некоторые книги были такими большими, что маленький мальчик едва мог поднять их. Здесь я впервые познакомился с мучениками, с «Путешествием пилигрима в небесную страну» Джона Буньяна, а также с великими мастерами библейского богословия. Ни один современный богослов не достоин того, чтобы стоять в одном ряду с ними! Старые издания их трудов с их пометками на полях имеют для меня огромную ценность, такую пуританскую книгу можно узнать уже по переплету и шрифтам.

Когда недавно я увидел часть этих старых книг в новом пасторском доме в Стемберне, у меня выступили слезы на глазах. Я спрашивал себя: «Может, теперь их любит другой мальчик, вновь оживляя это великое забытое Божье учение, которое и сегодня еще может дать утешение и помощь?»

Из этого темного места я брал книги старых авторов и никогда не был счастливее, чем при чтении их. Я надеюсь, что молодые и искренние сердца с Божьей помощью вновь выведут пуританство из пренебрежения, прежде чем пройдут многие драгоценные годы. И даже при замурованных окнах

они снова с удивлением увидят, как свет с неба осияет эти старые истины, как этот свет изливается из них, освещая их собственные сомнения.

Так как в доме бабушки свечи использовали очень экономно, свет горящего камина был единственным освещением, которого должно было хватать и для чтения книг, если кто-то уносил из комнаты единственную свечу, чтобы отправиться в постель.

Следующий случай из детства Сперджена рассказывает его тетя Анна.

У одного прихожанина по имени Род была скверная привычка посещать трактир с тем, чтобы выпить там стакан пива и выкурить трубку. Этим он сильно огорчал своего пастора-христианина, который часто вздыхал о нем. Печаль своего бабушки видел и маленький Чарльз. Он стал размышлять о том, как он мог бы помочь, и однажды сказал доброму пожилому пастору:

— Я убью этого старого Рода. Я непременно сделаю это!

— Успокойся, тише, мой милый, — сказал старый господин, — ты не должен так говорить. Ты ведь знаешь, что это неправильно. Полиция арестует тебя, если ты сделаешь это.

— Я не сделаю ничего плохого, если убью его. И я сделаю это!

Хотя бабушка был очень удивлен заявлению своего внука, он знал, что тот не станет ничего делать, если будет знать, что это неправильно. Поэтому он решил не заострять на этом внимание. Однако вскоре после этого внук пришел и сказал:

— Я убил старого Рода. Он больше никогда не будет огорчать моего доброго бабушку.

— Мое милое дитя, что ты сделал? Где ты был?

— Бабушка, я не сделал ничего плохого, — сказал ребенок. — я совершил дело Божье, и больше ничего.

Маленький Чарльз не сказал больше ни слова, но вскоре все выяснилось. Старый Род пожелал увидеться с пастором

и с потупленным взглядом и сокрушенным сердцем рассказал ему, как был «убит». Вот что он поведал:

— Я очень сожалею, дорогой пастор, что причинил Вам столько горя и переживаний. Я знаю, что виноват. Но я всегда любил Вас и никогда не делал бы ничего подобного, если бы знал о Ваших переживаниях.

Ободренный приветливостью пастора, он продолжал:

— Я как раз сидел в трактире и курил свою трубку, а передо мной стояла кружка пива. И тут вошел этот ребенок — подумать только, меня, старого человека, будет обличать ребенок! Он показал на меня своим пальчиком и сказал: «Что ты здесь делаешь, Элайджа? Ты сидишь с нечестивыми. Ты, член церкви, причиняешь столько страданий своему пастору. Мне стыдно за тебя! Я бы никогда не причинил ему столько горя». И он ушел. Конечно, поначалу я очень рассердился, хотя и знал, что это правда и что я виноват. Я отложил свою трубку и даже не прикоснулся к пиву,

Бабушка Сара, урожденная. Рудкин

Дедушка Джеймс Сперджен, пастор в Стемберне (1776–1864)

но поспешил в тихое место, пал ниц перед Господом, признал свои грехи и просил прощения. И я знаю и верю, что Господь по милости Своей простил меня. А теперь я пришел, чтобы попросить у Вас прощения. Дорогой пастор, я больше никогда не буду огорчать Вас. Возвращение отпавшего поистине было искренним. Об этом свидетельствует пастор, преемник дедушки Сперджена в Стемберне. Он пишет:

«Томас Род был самым старым в церкви — активный, живой, щуплый человек небольшого роста, неграмотный, простой рабочий. Он имел пони и экипаж и немного занимался торговлей... Я считаю его серьезным и ревностным христианином. Он всегда старался быть полезным, где только мог, и особенно трудился среди молодых людей, предоставив свой дом для молитвенных общений. Он прожил первые четыре года моего служения, до конца сохраняя радостное упование. Уже перед смертью, когда я взял Библию и хотел прочитать ему и помолиться вместе с ним, он сказал: “Я сосчитал ее страницы”. Я спросил: “Но зачем? Зачем Вы это делали?” Он ответил: “Я никогда не мог прочитать из нее ни слова, поэтому я хотел хотя бы знать, сколько страниц в этой книге”. Это потрясло меня, мне многое стало ясно. Нам очень его не хватает».